

Роль локальных процессов в региональном развитии и обеспечении стабильности: сравнительный анализ Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии¹

Несмотря на тяжелейшие испытания, которые выпали на долю Северного Кавказа, локальные конфликты не переросли в субрегиональные, основные, базисные, основы жизнедеятельности продолжали и продолжают функционировать. Анархия и беспредел, так часто предсказываемые для Северного Кавказа, так и не сбылись. В каждом отдельно взятом регионе идет напряженная внутренняя борьба за ресурсы, посты, сферы влияния и т.д. В значительной степени благодаря этой борьбе происходит мучительная адаптация к новым условиям. При этом неизбежное обострение отношений между различными социальными слоями и группами играет часто и свою позитивную роль, особенно в мультиэтнических регионах, где больше всего ожидалось широкомасштабные конфликты и насилие.

Если освящение в литературе конфликтов, переросших в насилие, представлено относительно широко (ряд публикаций по Чечне, Карабаху, Абхазии), то внимание к регионам, где конфликты остались в управляемых рамках, значительно меньше. До сих пор слабо изученным остается вопрос, почему в условиях резкого ослабления роли государства конфликты за власть и ограниченные ресурсы в большинстве регионов все-таки не переросли в широкомасштабное насилие? Главный тезис данной статьи заключается в том, что перерастанию конфликтов в насилие воспрепятствовали внутренние механизмы самоорганизации и самоуправления, присущие местным сообществам и представленные традиционными и гибридными (государственными/традиционными/неформальными) институтами. Эти институты обеспечили протекание конфликтных противоречий в ненасильственных рамках. В то же время новые социальные отношения, например, между богатыми и бедными, оказались более уязвимыми.

В качестве примеров, иллюстрирующих данный тезис, взяты Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия, где наблюдается удержание конфликтов в мирном русле. Пограничное положение диктует и своеобразную внутреннюю политику: увеличенный штат МВД, блокпосты на важнейших дорогах, половинчатость рыночных реформ, высокую зависимость от государственных субсидий, слабую инвестиционную привлекательность и др. Эти республики являются типичными представителями северокавказских регионов и близнецами с точки зрения сочетания этносов, которые дают название республикам (таблица 1).

Название этнической группы	Язык	Доля этноса в численности населения республики (%)	
		1989	2002
Кабардинцы	Адыгская группа (кавказская семья)	49	55
Черкесы		9,7	11,3
Балкарцы	Тюркская группа (алтайская семья)	9,6	12
Карачаевцы		31	38,5

Таблица 1. Характеристика этнических групп, которые дают название Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии

Дифференциация территории на ареалы проживания различных этнических групп играла важную роль в образовании республик в их нынешних границах. Однако решающее значение имела компактность территории и исторические связи между

¹ Работа над статьей поддержана грантом International Policy Fellowship.

горными и равнинными территориями, определившие целесообразность объединения разных этнических групп для совместного и взаимовыгодного развития.

Несмотря на большое сходство в географических и этнокультурных условиях, две соседние республики представляют разные уровни урегулирования внутренних напряженностей. В Кабардино-Балкарии наблюдается централизация власти, слабое развитие демократических институтов. В Карачаево-Черкесии уровень напряженности достаточно высок, особенно в сфере власти. Резкое обострение обстановки произошло во время выборов президента республики в 1999 и 2003 годах, приведшее к расколу общества на сторонников власти и оппозицию. Разнообразие стратегических групп в условиях открытой прессы создало объективно больше возможностей для демократических процедур урегулирования конфликтов. Однако наряду с легитимными формами решения спорных вопросов широко применяются неформальные или даже противозаконные методы. Именно поэтому среди жителей республики бытует мнение о «неуправляемой демократии» в этом регионе.

Насколько эффективны в Кабардино-Балкарии централизация власти, недопущение демократических методов и цензура в удержании конфликтов в мирном русле? Как долго может продержаться данная ситуация, насколько она устойчива в долгосрочном плане? Последние события 13-14 октября 2005 года поставили под сомнение факт устойчивости данной стратегии. Имеющаяся стагнация в экономике является слишком дорогой ценой такой централизации власти. И, наоборот, насколько оправданы плюрализм, приватизация земель, многопартийность и др., сохраняющие напряженность в Карачаево-Черкесии? Может ли это привести в будущем к созданию прочного и устойчивого общества с динамично развивающейся экономикой? Чтобы ответить на эти и другие вопросы вряд ли достаточно традиционного анализа данных и фактов, которые можно почерпнуть из статистики и газет. Вряд ли дадут исчерпывающие ответы на поставленные вопросы традиционные объяснения различий в истории и культуре двух республик, сходствах или несходствах менталитетов и конструируемых свойств этнических групп, особенностях лидеров. Эти структурные характеристики не могут быть «*per se*» причиной различных форм проявления напряженностей. Необходим глубокий анализ эмпирической реальности в лице институтов, отвечающих за функциональные связи и относительно устойчивые механизмы, которые регулируют конфликтные отношения.

В этом отношении этничность играет важную, но, что касается современной борьбы за власть и ресурсы, далеко не определяющую роль. Разделение народов Северного Кавказа на национальности и этнические группы, произведенное и закрепленное в советское время долгое время служило отправной точкой для объяснения современных процессов. Это в значительной степени тормозило изучение роли других факторов в имеющихся конфликтах. Лишь в последнее время благодаря усилиям антропологов критике подверглись стереотипы о нациях и этносах, доставшиеся с советской эпохи, как некоей «вынужденной идентичности»². Было бы поверхностным оценивать все имеющиеся на Северном Кавказе конфликты как межэтнические. Новейшие результаты исследований на Северном Кавказе показали, что важную роль в современной социально-политической ситуации играют родственные и профессионально-клановые объединения³. Семейно-родственные связи играют ключевую роль в узурпации власти, организации бизнеса, политическом предпринимательстве.

Однако с другой стороны, было бы преждевременным сбрасывать этнический фактор со счетов, поскольку он до сих пор служит той «разменной монетой» для политических

² Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. Москва. Наука, 2003.

³ Yemelianova Galina M. Kinship, ethnicity and religion in post-Communist societies. Russia's autonomous republic of Kabardino-Balkariya. Ethnicities, Vol. 5(1). PP. 51-82.

спекуляций. В контексте изучения конфликтов и насилия этническая принадлежность является для лидеров этнических групп средством мобилизации населения. Часто хорошая финансовая поддержка может помочь в возникновении новой этнической группы, которая ранее о себе не заявляла и считалась частью другой более обширной этнической группы. Оперирование этничностью прямо связано с борьбой за контроль над дефиницией, за то, что составляет отличия от других групп⁴.

К современным стратегиям можно отнести этническое представительство в органах региональной и локальной власти, установление правил совместного пространственно- и землепользования, взаимовыгодного (или как минимум, не направленного на уничтожение конкурента) бизнеса. Некоторые из них имеют глубокие корни (система взаимовыгодного использования летних и зимних пастбищ – transhumance), некоторые – сформировались еще в советское время (этнические квоты), а некоторые – формируются еще ныне (отношение в бизнесе).

Власть на локальном уровне

Современные институты власти на локальном уровне испытывают глубокие изменения. Это в первую очередь связано с переоценкой роли и места локального уровня в государстве. В советское время местные сообщества были элементом государственной машины. На локальном уровне повторялись все три основных ветви государственной власти: советской, партийной и хозяйственной. Такая ситуация сохранялась до начала 1990-х годов: институты советов оставались формальными, партия теряла свою значимость, председатели колхозов имели всю полноту власти, а среди традиционных институтов более или менее действенными были институты, регулирующие лишь некоторые внутридеревенские отношения. Демократические преобразования положили основу создания так называемой мифопоэтики⁵. К ней относятся такие безоговорочные утверждения, как «местное самоуправление – это основа российской государственности», «местная власть – это наиболее демократическая форма власти» и др. Законом 1991 г. «О местном самоуправлении в РСФСР» был установлен принцип собственной компетенции органов местного самоуправления, были созданы законодательные основы, выборные органы, определены находящиеся в их распоряжении ресурсы вплоть до местного бюджета. Т.е. было практически все, но местные власти все-таки несли ответственность *не перед своим населением, а перед вышестоящими органами*.

В 1993 году Советы были распущены и вся полнота власти начала переходить к назначенным главам администраций. Этот процесс сопровождался обнищанием коллективных хозяйств, что резко уменьшило роль председателей колхозов и директоров совхозов. Многие наиболее активные из них были впоследствии назначены на должности глав местных администраций. Ухудшение социально-экономической ситуации и дефицит правовых институтов привели к активизации традиционных институтов, которые вынуждены были взять на себя регулирование конфликтов (организация местных «тёре» - своеобразных судов или советов старейшин - в некоторых аулах Карачаево-Черкесии). В некоторых случаях оказалось намного дешевле привлекать традиционные институты к управлению, реанимировать некоторые традиционные институты, такие как совет старейшин, кооптировать традиционные институты в государственные структуры и др., чем создавать новые институты с «нуля».

Таким образом, к середине 1990-х гг. на селе присутствовали три типа институтов:

⁴ Тишков, 2003.

⁵ Тишков В. Местное управление в сложном обществе: российский опыт. В кн. Местное управление многоэтничными сообществами в странах СНГ. Москва, Авиаздат, 2001. С 3-22.

- 1) Администрации – являются формально официальными органами местного самоуправления, но находятся под контролем государственной власти;
- 2) Коллективные хозяйства, поменявшие к этому времени свои названия с колхозов и совхозов на акционерные общества разных форм собственности (КСХП, АО, ООО, ТОО и др.).
- 3) Традиционные институты, среди которых можно выделить те, которые формализованы государством (например, совет старейшин), и те, которые оставались не формализованными (совместное использование общественных земель, регулирование выпаса скота и др.).

Современный локальный уровень представляет собой коктейль государственных, традиционных и гибридных институтов. Уход государства из локального уровня и замена государственных институтов институтами местного самоуправления происходит медленно. Органы местного самоуправления (сельской администрации) еще не обладают должными полномочиями. В настоящее время они представляют гибрид местного самоуправления и государства. Формально местное самоуправление имеет большие полномочия, а на деле же велика зависимость местных властей от государственных органов, прежде всего от районных администраций. Как показали результаты полевых исследований, наибольшая зависимость наблюдается в КБР. В КЧР же уровень государственной опеки локальных муниципальных образований гораздо ниже. В ряде случаев это привело к образованию местных анклавов со своими «князьками» в лице глав районных администраций. Не редки случаи обращения местных жителей в республиканские органы с жалобами на притеснения со стороны районного начальства.

Изменение взаимоотношения государства и местного уровня связано также с тем, что как в КЧР, так и в КБР резко трансформировалась социальный состав сельских жителей, снизилась потребность в гособеспечении (повысилась роль натурального хозяйства), сняты идеологические рычаги в воспроизводстве этнической идентичности. В отличие от советского периода ныне у государства практически нет социальной базы влияния, которая была раньше в виде массы колхозников и рабочих сельскохозяйственных предприятий. Так, уровень занятых в коллективном сельском хозяйстве КБР и КЧР снизился в несколько раз и составляет 3-5% от всех занятых. Для многих село перестает быть основным местом жительства и работы, так как люди ищут работу или дополнительный заработок в городе.

Декларируя самостоятельность локального уровня, государство, тем не менее, сохраняет свою опеку. В КБР и КЧР это опека выражена по-разному: более сильно в КБР и менее – в КЧР. Сколько-нибудь острых конфликтов за власть на локальном уровне не было, поскольку доступ к основным экзистенциальным ресурсам во многом определяется традиционными институтами и правилами. Именно изменение правил доступа к земле пастбищам, лесам стало в последние годы одной из конфликтных сфер.

Земля

Земля имеет многофункциональное значение в регулировании межгрупповых отношений: как территория проживания и как ресурс. В первую очередь, земля - это территория проживания определенной мы-группы, вместителище культурных памятников, кладбищ, на котором похоронены предки фамильно-родственного объединения и др. Земля способствует воспроизводству идентичности и, наоборот, идентичность мы-групп нуждается в территории и границах, которые отделяют от «других».

Классической точкой зрения является представление земли как ресурса, а имеющиеся при этом конфликты - как ресурсные. Для такого рода конфликтов характерны две

особенности: а) конкуренция за ограниченное количество земли (либо вследствие природных условий или при высоком росте населения); б) борьба за прибавочный продукт, который можно продать (например, на спорных пастбищах можно произвести дополнительную продукцию, которую можно затем продать). В первом случае конфликт существует между отдельными людьми и стратегическими группами, имеющими общий, трудно делимый и ограниченный ресурс. В другом случае конфликт может возникать между предпринимателям, не обязательно живущими в данном регионе, но извлекающими из продажи прибавочного продукта выгоду и привлекающими всевозможные легитимные и нелегитимные инструменты. Территориальная и ресурсная функции тесно связаны.

Наиболее часто встречаются две стратегии регулирования земельных противоречий:

1. Создание общих институтов, опирающихся на использование единого «кооперативного» пространства;
2. Апроприация пространства и создание четких границ и маркеров

Институты «кооперативного» пространства.

В связи с неравномерным распределением и дефицитом ресурсов мы-группы вынуждены вступать в кооперативные отношения, характеризующиеся устойчивыми правилами совместного использования земли и пространства. Особенно это характерно для горных регионов, где выделяются несколько групп таких институтов и форм кооперативных отношений:

1) **Обмен**, основанный на специализации и разделении труда. Исторически сложилось так, что горные жители (балкарцы и карачаевцы) занимали высокогорные и среднегорные территории, которые не подходили для земледелия, а только для животноводства. Вследствие этого горные жители вынуждены были обменивать продукты животноводства на продукты земледелия у равнинных и предгорных жителей (кабардинцев и черкесов). Эта взаимовыгодная форма взаимоотношения мы-групп (созданная по месту проживания) имеет сложную историю развития. Даже в советский период, когда ресурсы распределялись сверху, эта форма существовала, например, в виде традиционных базаров, где происходил натуральный обмен. В 1990-е годы роль базаров резко увеличилась. На организованных специальных ярмарках в первую очередь подчеркивалось региональное своеобразие выставляемых для реализации товаров: капусты из Верхней Балкарии, шерстяных изделий из Чегема, меда – из казачьих предгорно-равнинных станиц и др. Этничность уходила на второй план.

2) **Аренда земли**. Наиболее распространены два типа аренды земли: а) аренда в целях долговременного использования пастбищ или пашни; б) сезонная аренда пастбищ. Долговременная аренда пастбищ и пашни практиковалась до революции. В советское время земли, которые арендовались, были закреплены за колхозами и совхозами в качестве долгосрочного пользования⁶. Аренда неоднократно вызывала споры о принадлежности земли. Споры утихли в советское время, когда монопольным владельцем земли стало государство. Вопрос цены на землю снова поднялся в 1990-е годы. Немаловажное значение при этом сыграл рост национально-политической активности и провозглашения «республик» (Балкарии, Кабардинской, Баталапшинской, Зеленчукской, Черкесской республик).

Лишь в последующем земля начала обретать и рыночную цену, став объектом приватизации в городах и периурбанизированных ареалах. На приватизацию земель сельскохозяйственного назначения, составляющих основную долю освоенных земель,

⁶ Жиругов Р.Т Земельная аренда: реальность перспектив. Нальчик, Эль-Фа, 1999.

было наложено вето президента КБР. Тем самым земля так и осталась вне рыночных процессов. В КЧР приватизация земель сельскохозяйственного назначения, наоборот, идет полным ходом. До июня 2006 г. земли большинства коллективных предприятий должны найти своего хозяина. Земли, на которые не будут оформлены права, перейдут в распоряжение местных муниципалитетов.

Наиболее естественной является сезонная аренда пастбищ, которая основана на сезонных различиях в ресурсах: горцы нуждаются в зимних пастбищах, так как принадлежащие им пастбища находятся зимой под снегом, а равнинные жители – в летних, так как принадлежащие им пастбища в летнее время используются для выращивания зерновых, овощей, нуждаются в поливе. Такая форма взаимоотношений, которая часто не фиксировалась на бумаге, называется *transhumance*. В советское время *transhumance* была официально закреплена и расширена⁷. Миграции скота служат четким индикатором дружелюбности или напряженности в регионе. Прекращение миграций скота в масштабах республики, а также на уровне отдельных долин явилось индикатором ухудшения отношений. Таким образом, наличие подобных институтов свидетельствует о благоприятном климате, хотя сами эти институты вряд ли способны выступить цементирующим началом к предотвращению конфликтов. Они являются скорее индикаторами мирного существования. Некоторые из «естественно» возникающих институтов закрепляются затем официально в схемах землепользования, т.е. формализуются.

3. ***Взаимное использование территории для коммуникационных целей.*** В силу географических факторов различные территории оказываются разобщенными в пространстве. При этом одни группы имеют более выгодные транспортные условия, а другие – вынуждены проезжать через территорию других групп. Балкарцы в силу своего нахождения в горах не могут общаться с остальным миром иначе как через кабардинскую территорию. В начале 1990-х гг. одним из методов эскалации конфликтов служило перекрытие дорог.

Одним из важных свойств института кооперативного пространства является ***повторяемость его правил.*** Сезонный пригон скота не является раздражающим для местного населения. Наоборот, это вносит определенный «закаливающий» эффект. Наиболее важна повторяемость в тех институтах, которые не совсем «естественны». Важно подчеркнуть частотность повторения. Чем чаще повторяемость, тем теснее могут быть отношения. Так, ежегодно перераспределяемая для аренды земля заставляет тех, кто на ней работает, находиться в постоянной связи с арендодателем (например, с государством). Аренда на срок 5 лет дает уже определенную дистанцию и свободу от арендодателя. И наиболее свободной является долгосрочная аренда. Ежедневный проезд по совместно используемым дорогам закрепляет имидж общего пространства. В советское время совместные ярмарки в г. Нальчике, куда съезжались представители разных регионов, устраивались регулярно два раза в год. Тем самым происходили своеобразные репетиции и закрепление общего «кабардино-балкаро-русского» пространства.

Апроприация пространства.

Говоря о государственности на локальном уровне, важным является вопрос, кому принадлежит контроль за локальным пространством в постсоветский период. Основные хороструктуры, регулирующие распределение в пространстве

⁷ На Кавказе существовали три формы сезонной миграции: межрегиональная (между республиками, например, из Грузии овцы гонялись в Калмыкию), региональная равнинно-горная (внутри республик), локальная (внутри группы селений, от лежащих на днище долины в горы на летние пастбища, соответствует нем. *Almwirtschaft*).

стратегических групп, остаются теми же, что и в советское время (например, административно-территориальное деление). Однако особенности «заполнения» пространственных ареалов и их функциональные свойства претерпевают значительные трансформации. В первую очередь они вызваны перераспределением функций контроля за пространством от государства, как основного актера, в пользу местного самоуправления и других актеров.

Особенностью современного периода является появление новых актеров (различных стратегических и корпоративных групп), участвующих в апроприации (освоении и присвоении) пространства и земли как основного территориального ресурса. Апроприация имеет несколько аспектов, связанных как с борьбой за неформальное влияние над территорией, так и с формальной приватизацией земель (закреплением в юридических документах за определенным землепользователем). В разных регионах глубина освоения и приватизации пространства выражены по-разному. Это связано с тем, что старые актеры, прежде всего государство и коллективные хозяйства, сдают свои позиции с разными скоростями. Так, в Кабардино-Балкарии государство и коллективные хозяйства продолжают играть большую роль. В Карачаево-Черкесии же приватизация земель бывших колхозов и совхозов выдвинула на первый план частных хозяев, предпринимателей, которые создают стратегические группы по разным основаниям (чаще всего, семейно-родственным или земляческим).

Наиболее весомым актером, участвующим в апроприации пространства, было и остается *государство*. На региональном уровне в поле зрения государства попадают наиболее важные диспропорции, которые нуждаются во внешнем управлении. Существует объективное неравноправие различных групп населения, вызванное природными или историческими фактами. Богатые равнины и бедные высокогорья, хорошо и плохо доступные регионы контрастируют друг с другом в условиях горного рельефа. Эти различия усиливаются тем, что этнические группы неравномерно заселяют горы и равнины. Так, изначально в невыгодном положении находятся балкарцы, живущие в труднодоступных и малоземельных высокогорных районах, в то время как кабардинцы имеют доступ к плодородным предгорным и равнинным территориям. Эти различия частично нивелировались государственной политикой субсидирования горных районов, предоставления более выгодных условий этническим меньшинствам и т.д. После развала СССР возникла опасность, что поддерживаемый государством баланс горных и равнинных территорий нарушится, и один этнос попадет в зависимость от другого.

Действенный государственный инструмент регулирования землепользования, который существовал и в советское время, – директивный перевод территории из одного статуса в другой. Наиболее распространенным является перевод из статуса сельской территории в городскую, что дает возможность сразу же урезать права крестьян (они часто становятся жителями поселков городского типа), уменьшить наделы выделяемых для частного строительства земли, усилить контроль за распределением земель, в том числе сельскохозяйственных, ранее принадлежавших коллективным хозяйствам. Ярким примером является перевод земель по долине Теберда под юрисдикцию Карачаевского городского муниципалитета (в советское время Карачаевского горисполкома). В некоторых коллективных хозяйствах Карачаево-Черкесии до 80% земель перешло под государственную юрисдикцию, основанием чего явились долги этих предприятий перед государством.

Не соответствует масштабам государства локальное «лоскутное» пространство. Оно представляет особый относительно *автономный от государства* мир, в котором преобладают негосударственные, в большей степени традиционные институты. Например, разделение и использование мелкоконтурных участков поливных сенокосов

в горах всегда входило в компетенцию обычного права. В силу специфики природных условий государственные институты были неэффективными. Государственные инвазии в этот мир, конечно, случались, например, в виде вынужденных переселений, укрупнения сел и др. Однако они не достигали успехов, локальный уровень постоянно «ускользал» от государственной опеки.

Тем не менее, утверждение о том, что локальный уровень полностью освобожден от государственных правил и институтов были бы преждевременными. Государство по-прежнему определяет *рамочные* правила игры, что наиболее очевидно закреплено в институте землеустройства. В КБР и КЧР существуют государственные земли, прежде всего леса, природоохранные территории (заповедники, заказники и т.д.), государственных земельный запас, которые вместе составляют около половины всей площади. Эти земли не расположены одним массивом, а фрагментируют все локальное пространство, объективно разъединяя разных актеров.

Роль самоуправления в распределении и использовании земель

При передаче государством своих функций на локальный уровень возросла роль органов самоуправления в регулировании земельных и территориальных отношений. Районные, городские и сельские муниципалитеты имеют широкие полномочия по контролю над распределением и использованием земель.

Низшей ячейкой являются сельские муниципалитеты (сельские администрации), которые, как правило, «нарезались», исходя из этнической системы расселения. Кроме них повседневный контроль за использованием земли на локальном уровне осуществляется также в рамках коллективного хозяйства. Ныне насчитывается более десятка форм коллективного хозяйствования. Наиболее часто встречается аббревиатура СПК, которая расшифровывается как сельскохозяйственный производственный кооператив (в прошлом, как правило, колхоз). Новыми формами являются крестьянские (фермерские) хозяйства, на которые возлагалась особая надежда при проведении реформ. Однако эта форма западного типа не привилась, в значительной мере потому, что крестьянин так и не стал настоящим собственником земли. К тому же официальная регистрация, уплата налогов и др. формальности пришлись не по душе многим крестьянам. Особенно в КЧР, где крестьяне выделялись из коллективных хозяйств, но предпочитали оставаться без статуса фермеров. Немаловажным для сдерживания развития легального бизнеса в сельском хозяйстве сказались отсутствие понятия «налоги» среди северокавказских народов⁸.

Как показали результаты сравнения границ коллективных хозяйств, муниципальных административных образований и ареалов проживания различных этносов, наибольшая этническая гомогенность наблюдается в коллективных хозяйствах, нежели чем в администрациях. Совместно жить в административных образованиях не вызывало для разных этносов особых проблем. Однако при использовании земель разные этнические группы предпочитают организовывать свои коллективные хозяйства. Поэтому конфигурация границ коллективных хозяйств следует структуре этнического расселения.

В последнее время наряду с государственной размонополизацией локальных форм землепользования резко возросла роль личных подсобных хозяйств, как самостоятельной формы хозяйствования, опирающейся на семейные формы организации с частной собственностью на небольшие участки земли (огороды). В целом, при уходе государства с локального уровня произошла диверсификация

⁸ Поляков С.П., Бушков В.И. Социально-экономическая ситуация в Северо-Кавказском регионе. В кн. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. №108, 1997.

институциональных форм землепользования, повысилась роль малых социальных форм хозяйствования, что фрагментировало конфликтную среду и снизило риск обострения конфликтов между большими социальными группами.

Приватизация земель

Сферой, где больше всего обострились конфликты вокруг земли, является приватизация сельскохозяйственных земель. Она была официально заморожена в КБР и быстрыми темпами идет в КЧР. Способом легитимации актов по приватизации земель, а, следовательно, по апроприации пространства, являются публикации в республиканской прессе – объявления в газетах, информирующие о выделении паев из коллективных предприятий таких-то и таких-то крестьян.

Суть публикуемых в центральной республиканской газете объявлений сводится к формальному закреплению достигнутых договоренностей между жителями сел – пайщиками конкретного коллективного хозяйства – о том, что они изымают свои доли земли из общей земли. При этом указываются различные мотивы. Наиболее часто встречается мотив «с целью заключения договора аренды», для создания крестьянского фермерского хозяйства и др. В некоторых случаях мотив не указывается, а просто дается информация о том, что такие-то пайщики отделяются. В с. Важном господствовала формулировка «для расширения личного подсобного хозяйства». Типичное объявление выглядит таким образом: мы, пайщики такого-то сельскохозяйственного предприятия (список фамилий, инициалов или имен), сообщаем о выходе из этого предприятия с выделением земельного пая (указывается размер, как правило, от 2 до 6 га на каждого, перечисляется тип угодий - пашня, сенокос или пастбище), имеющего такое-то местоположение для таких-то целей. Обязательным во всех объявлениях является фраза о том, что «претензии принимаются в течение 1 месяца со дня опубликования объявления». Таким образом, публикация в прессе является своеобразным способом легитимации актов по апроприации пространства.

Выделяются два основных типа конфликтов, высвеченных в ходе приватизации земли: а) внутри деревенского сообщества между самими жителями и б) между жителями и начальством. Как показал анализ данных (прежде всего, объявлений в газетах), наиболее конфликтным является местоположение выделов. Количество же угодий не ведет к обострению конфликта, так как оно было определено еще в 1992 г, когда земля поровну делилась между членами колхозов или совхозов, и им были выданы соответствующие сертификаты.

Второй тип конфликта (между начальством и жителями) проявляется в нескольких случаях. Правление коллективного сельскохозяйственного предприятия может быть недоволено тем, какую землю пайщики хотят приватизировать, или же правление в целом против выделения. Имея административные рычаги и юридическую поддержку, всегда можно найти «зацепку» и противодействовать приватизации. Начальство может также тормозить передачу земли, передавать землю без уведомления пайщиков в аренду третьим лицам, либо вынуждать пайщиков сдавать землю в аренду.

Основные процессы приватизации в КЧР протекают на равнинно-предгорных территориях. Горные районы республики выступили в целом против закона о приватизации земель (как и в большинстве республик Северного Кавказа). Отсутствие приватизации сельскохозяйственных земель в горных хозяйствах объясняется несколькими причинами. Во-первых, в горных районах всегда наблюдался недостаток земли, которая испокон веков была в общественном пользовании (например, зимние пастбища). Небольшие участки сенокосов и пашни имели даже в советское время своих хозяев. Официально оформлять на них свои права не нужно, так как часто они уже многие века имеют общепризнанных хозяев. Во многих случаях земли принадлежат

непосредственно местному муниципалитету (часто даже не сельскому, а районному), который сдает земли в аренду.

Анализ современной ситуации в КЧР и КБР, опирающийся на полевые исследования, привел к установлению роли земли в межгрупповых отношениях, которая иллюстрируется следующими тремя аспектами (табл. 2):

Аспект	СССР	КБР сегодня	КЧР сегодня
Земля и идентичность	Системы расселения и ареалы проживания прямо соотносились с конструкциями идентичностей (конструировались «сверху» - нации, народности, этнические группы)	Сохранение и поддержание советских конструкторов (соответственно консервация сложившейся системы расселения)	Создание рынка идентичностей, сопровождаемого при этом дефицита, поиска «корней» и т.д.
Земля как ресурс	Отсутствие рыночной цены	Искусственное обесценивание земли	Создание рынка земли и цен на землю
Земля как собственность государства	Государственность пронизывала все уровни вплоть до семьи («семья – ячейка государства»)	Декларирования ухода с локального уровня, на деле же попытка «удержать» локальный уровень	Разнообразная степень проникновения: от удержания до поспешного ухода и «оголения» сфер, которые занимают криминальные элементы, реже самоуправление

Таблица 2. Сравнение КБР и КЧР в аспектах государственности, идентичности и ресурсного значения земли

1. *Земля и идентичность.* Относительно четкое разделение этнических ареалов в пространстве основывается на устойчивом воспроизводстве традиционной системе расселения с практически не меняющимся соотношением этнических групп, образующих селения. Нарушение ареалов проживания вызывается в основном экономическими причинами, побуждающими обделенных землей мы-группы мигрировать в другие ареалы (балкарцы и карачаевцы переселяются на предгорно-равнинные территории). С другой стороны, происходят попытки закрепить ареалы за определенными этносами (создание районов по этническому принципу).

2. *Земля как ресурс.* В КБР подавляющая часть земли (земли сельскохозяйственного назначения) монополизирована государством, а, следовательно, не представляет собой ресурса, вызывающего конфликты между какими-либо группами. Конфликты между стратегическими группами как бы сняты с повестки дня. Однако обострился конфликт между государством и местными сообществами. Это наиболее ярко проявляется в ущемлении прав крестьян на землю, в том числе и тех традиционных, которые они имели всегда. В этом случае государство входит в конфликт с традиционными институтами (пример поселка Эльбрус). В КЧР начато формирование рынка земли, что создало массу новых предпринимателей и актеров, как правило, представляющих мелкие социальные группы (чаще всего семьи и родственные объединения).

3. *Земля как собственность государства: глубина проникновения на локальный уровень.* В КБР государство продолжает советскую политику инвазии на локальном уровне, несмотря на все принятые в России постановления последних лет. Муниципалитеты так и остались по сути элементами государства. Землей распоряжаются государственные структуры. Крестьяне привязаны к государству через институт аренды. Шаги, которые были предприняты на федеральном уровне к высвобождению локального уровня от чрезмерной государственной опеки, были выполнены в республике формально. Государство продолжает контролировать локальное пространство. Суть федеральных законов трансформируется в угоду региональной власти. Инициативы граждан, которые идут в разрез с решениями региональной власти, пресекаются. В качестве официальных причин выдвигаются потенциальные конфликты, которые якобы могут возникнуть при приватизации земель⁹.

В КЧР приватизация сельскохозяйственных земель идет полным ходом, но государство еще крепко держится за локальный уровень. Государственные чиновники используют различные изощренные инструменты, которые препятствуют развитию частной собственности на землю. Одним из них является перевод земель под такую юрисдикцию, которая изначально не предполагает частную собственность на землю. Существует целый ряд государственных категорий земель: государственный земельный запас, гослесфонд, земли городских муниципалитетов, природоохранные земли и др. И все же по сравнению с КБР сделан крупный шаг на пути демонополизации прав государства на землю.

В КБР были задействованы разнообразные пути удержания конфликта в мирном русле, в особенности те, которые дают быстрый эффект, но являются затратными и консервативными в долгосрочной перспективе. В КЧР высокий уровень напряженности стал результатом глубоких преобразований и активизации всех сфер жизнедеятельности, что привело к ряду положительных моментов, в особенности в экономической сфере.

На уровне в той и другой республике были задействованы как советские институты, так и традиционные. Главное отличие в использовании ключевого ресурса – земли заключается в том, что в КБР были созданы барьеры для недопущения новых институтов, связанных, например, с приватизацией земель сельскохозяйственного назначения. Напротив, в КЧР приватизация земли затронула предгорно-равнинные районы, вызвав там обострение конфликтов между властью и населением. Значительная часть коллективных хозяйств распалась совсем. Это, с одной стороны, дало толчок к развитию частного хозяйства, но, с другой, создает предпосылки к перераспределению земель, в том числе и между этническими группами. Некоторые национальные лидеры опасаются того, что выделившиеся крестьяне не сумеют продержаться и продадут землю, которую скупают богатые представители других этнических групп.

Однако факторы современной ситуации в Кабардино-Балкарии обеспечивают лишь временный успех, тормозя при этом развитие рыночных и демократических институтов. В этом отношении относительно напряженная ситуация в Карачаево-Черкесии является более благоприятной для возникновения и развития демократических институтов, оппозиции, формирования рыночных механизмов (в частности создание рынка такого важного ресурса, как земли), что в перспективе может

⁹ Одна из других оригинальных версий: «...земля в Кабардино-Балкарии - это, в первую очередь, пшеница - сырье для перегонки спирта. Количество этого сырья не учтено никем и не облагается налогом. А частных спиртоводочных заводов (зарегистрированных) в республике около двадцати». Луиза Оразаева, НацБез.ру, 12 июля 2004.

обеспечить развитие более совершенных институциональных механизмов для обеспечения развития и стабильности.

Литература

1. Жиругов Р.Т Земельная аренда: реальность перспектив. Нальчик, Эль-Фа, 1999.
2. Поляков С.П., Бушков В.И. Социально-экономическая ситуация в Северо-Кавказском регионе. В кн. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. №108, 1997.
3. Тишков В. Местное управление в сложном обществе: российский опыт. В кн. Местное управление многоэтничными сообществами в странах СНГ. Москва, Авиаиздат, 2001. С 3-22.
4. Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. Москва. Наука, 2003.
5. Yemelianova Galina M. Kinship, ethnicity and religion in post-Communist societies. Russia's autonomous republic of Kabardino-Balkariya. Ethnicities, Vol. 5(1). PP. 51-82.